

Мысли Ю Жаня никогда не шли по проторённой дорожке. Каждый раз, когда он пытался выдать что-то умное, он выдавал очередную странность, Чу Мянью вынужден был тратить уйму терпения, просто чтобы понять, что вообще имелось в виду.

Например, это самое «теплее», которое он только что сказал.

Чу Мянью машинально пробежал взглядом по своей одежде. Да, недавно он действительно носил не самые тёплые вещи... но разве это делает его «теплее» других? Нет, вряд ли. Значит, Ю Жань имел в виду что-то другое.

Он снова внимательно посмотрел на Ю Жаня.

Тот стоял, слегка запрокинув голову. Его глаза были прикованы к Чу Мянью. Он смотрел на него не отводя глаз, не моргая и не отводя взгляда. Этот открытый, почти вызывающий взгляд был слишком тяжёлым. Через две секунды и восемь сотых Чу Мянью уже отвёл глаза.

— Это не из-за меня, — бросил он, резко разворачиваясь. — Если тебе холодно, то оденься потеплее.

Ю Жань задумался:— А ты знаешь... мне всё чаще кажется, что между нами есть какая-то связь.

Чу Мянью замолчал.

— Почему бы нам не сдать кровь и не проверить, не родственники ли мы? — продолжил Ю Жань, будто это была самая логичная идея на свете.

Чу Мянью спокойно протянул ладонь и аккуратно, но настойчиво надавил на его лоб, сдвигая голову в сторону.— Пойдём быстрее. Мне домой к ужину.

Ю Жань послушно двинулся следом, но улыбался, как человек, который только что выиграл в лотерею, где главным призом было вечное безумие.— Слушай, Чу Мянью... а если честно, на самом деле ты мой давно потерянный сын? Как отец, каждый раз, когда я тебя вижу, моё сердце наполняется теплом...

Чу Мянью резко выставил ногу.

Ю Жань едва не упал лицом в асфальт.

Он пошатнулся, и чуть не врезался в фонарный столб, но внезапно замер, словно в голову ему ударила новая гениальная идея. Хватая Чу Мянью за рукав, он выпалил:— Расскажу тебе одну историю.

Чу Мянью не ответил. Ни слова. Ни взгляда. Только ждал, как человек, который знает, что сейчас будет глупость.

— Давным-давно жила одна девочка, на которую наложили проклятие. Она могла говорить только одно слово в год. Чтобы признаться парню, который ей нравился, она три года молчала... Три года! Ни звука!

Он сделал драматическую паузу.

— И вот, наконец, наступил день признания. Она выбегает из дома, вся в эмоциях, бежит, хочет сказать своё долгожданное слово... и спотыкается о порог!

Ю Жань согнулся пополам, хохоча так, что даже голос задрожал:— И кричит: «ёб твою мать!» ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!!!

Чу Мянью стоял, как стоял. Без выражения. Но, когда он повернул голову и увидел, как Ю Жань корчится от смеха, трясётся, прижимает руки к животу и едва не падает на колени, то уголки его губ сами собой дрогнули.

— Скучно, — сказал он.

Но внутри пронеслось: *«...не так уж и скучно».*

Они зашли в магазин рядом с Академией изящных искусств. По рекомендации продавца выбрали набор акварельных красок.

Ю Жань не стал сразу оформлять покупку. Вместо этого он медленно прошёл к соседним полкам, рассматривая цветные карандаши, эскизные блокноты, кисточки в стеклянных банках.

В магазине было полно всяких красиво упакованных, с блестящими этикетками художественных штук, будто созданные специально для того, чтобы их дарили.

Чу Мянью мельком окинул взглядом ряды коробок. Подарок. Подходит.

С едва преоткрытых губ, чуть не сорвалось: «Ю Жань, а когда у тебя день рождения?»

Но он вовремя остановился.

Он сам меня об этом не спрашивал. Если я начну первым, покажусь слишком заинтересованным. Будет выглядеть так, будто он мне...интересен.

Подумав ещё немного, Чу Мянью закрыл рот.

— Поехали, — сказал Ю Жань, наконец подойдя к кассе с выбранным.

— Только это купишь? — спросил Чу Мянью.

— Ага. Ручки и кисти у меня дома есть, а вот блокноты кончились.

Чу Мянью бросил взгляд на довольно толстый блокнот. Стало ясно, что Ю Жань рисует довольно часто.

— А что ты вообще рисуешь? Геометрические фигуры? — спросил он, стараясь звучать максимально равнодушно.

— Да нет, просто всякое. Что в голову придёт, то и рисую. Цветными карандашами, — Ю Жань взял пакет, открывая дверь магазина.

— А ты разве не готовишь портфолио или что-то такое для собеседования в художке?

— Ну и это тоже, пусть будет видно, что я много работал.

Чу Мянью хотел посмотреть, что там рисует Ю Жань. Очень хотел. Но он никогда не решился бы показать свой инетерс.

— У меня тётя - художник, — сказал он небрежно. — Может, покажешь ей свои работы?

— Как? — Ю Жань сразу оживился.

— Принеси блокнот завтра в школу. Передам ей.

— О, круто! — Ю Жань схватил его за руку и радостно захихикал: — Хе-хе-хе! Ладно, тогда я тебя угощаю пирогом с ананасом!

Дома у них были в разных сторонах, так что на остановке они попрощались.

Пирог в руках Чу Мянью ещё хранил тепло. Но он не любил есть на людях. Поэтому всю дорогу в метро держал его в руках, как священную реликвию, которую нельзя повредить.

— Чего это ты вдруг решил съесть нечто подобное? — спросила Чу Хэн, когда увидела пирог. — Так поздно вернулся. Что, захотелось чего-то на вынос?

Чу Мянью молча покачал головой и сел за ужин.

Прошло несколько минут.

Потом он всё же сказал:— Просто ходил по магазинам с одноклассником.

Чу Хэн смотрела на племянника, как будто видела его впервые за долгое время и не могла сдержать лёгкой улыбки, той самой, что появляется, когда замечаешь, что кто-то, кого ты давно любишь, наконец начинает дышать полной грудью. Она удивилась, да, конечно удивилась, ведь Чу Мянью всегда был мальчиком, который словно жил в отдельном измерении. Но сейчас в этом удивлении не было тревоги, а только облегчение, глубокое и почти материнское, даже несмотря на то, что она была ему тётёй, а не мамой.

Она замечала всё. Каждую мелочь. Как он стал чаще приносить домой какие-то ерундовые перекусы, не потому что голоден, а просто потому что купил. Как в выходные теперь иногда слышалась музыка из его комнаты, или стук клавиш, когда он играл в League of Legends дольше обычного, хотя раньше считал это «пустой тратой времени». Как однажды, оставив телефон разблокированным, он случайно показал ей, что в его галерее полно фотографий Фионы — не прямых, не постановочных, а таких, что будто бы сделаны исподтишка: она сидит у окна, читает, волосы чуть шевелятся от сквозняка; стоит у доски, хмурится, решая задачу; смеётся с подругами, запрокинув голову.

И, может быть, больше всего её поразило то, что он перестал выглядеть так, будто каждый день - это экзамен, который он уже не сдал. Его плечи развернулись. Он стал реже хмуриться без причины. Даже когда молчал, в нём уже не чувствовалось того напряжения, будто он весь сжат внутри, как пружина, готовая лопнуть от одного лишнего слова.

После ужина Чу Мянью вернулся в свою комнату, взял с полки сборник эссе Мояня — книгу, которую до этого просто пролистывал, но теперь читал вдумчиво, с карандашом в руке, делая пометки полях, подчёркивая фразы, которые, по его мнению, могут стать ключом к анализу на предстоящей контрольной. Нобелевская премия по литературе, объявленная пару дней назад, взорвала все школьные чаты, и он понимал, что преподаватели точно воспользуются моментом. Лучше быть готовым.

Он читал медленно, концентрируясь на каждом абзаце, погружаясь в метафоры, в исторические аллюзии, в ту странную смесь сарказма и боли, что была характерна для автора. Время шло незаметно. Когда он наконец закрыл книгу, за окном уже стояла ночь, а на циферблате было без десяти десять.

Привычным движением потянулся к телефону. Экран загорелся белым светом в темноте комнаты.

Ничего. Ни одного нового сообщения.

На протяжении последних нескольких дней всё было иначе. Каждый вечер, примерно в девять, приходило сообщение от Ю Жаня. Не важное. Не серьёзное. Иногда – это была просто картинка из «Gintama» с подписью: [Книга горячих цитат]: Это я, если бы родился в Эдо. Иногда — голосовое, длинное, минут на десять, где он рассказывал, как пытался научить дворового кота играть в Temple Run, приклеив телефон к его спине скотчем, и как тот, испугавшись, убежал в соседний двор и три часа не возвращался.

Они болтали. Просто так. Без повода. Без плана. До самого отбоя, пока один из них не засыпал прямо в середине предложения.

И Чу Мянью... привык.

Не то чтобы он ждал этих сообщений. Он бы никогда себе в этом не признался. Но их отсутствие сегодня вызвало странное чувство, будто в комнате внезапно стало тише, будто кто-то выключил фоновую музыку, которую ты и не замечал, пока она играла.

Он не стал зацикливаться. Открыл QQ.

Ю Жань был онлайн.

Лента была забита его активностью: несколько скриншотов из аниме, комментарии к серии с Е Си, результат игры: 987 очков в Temple Run, с надписью: [Книга горячих цитат]: Я — король бесконечного бега. Сегодня никто не догнал. Завтра — может быть. Если повезёт.

Ещё два репоста. Три песни. Одно видео, где он танцует под К-рор, снятый на камеру телефона, с текстом: «Моя мама сказала, что я двигаюсь, как сломанный робот. Я принял это как комплимент».

Всё это было опубликовано за одну ночь.

Очевидно, что домашнее задание он еще не начинал.

— Ну и много же у тебя свободного времени, — пробормотал Чу Мянью, листая дальше.

Он уже собирался закрыть приложение, когда взгляд упал на старую запись, ту, что была опубликована в два часа ночи:

[Волк с собачьей душой]: ХА-ХА-ХА-ХА! НАКОНЕЦ-ТО ИЗРАСХОДОВАЛ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИМИТ СМС!!!

НАКОНЕЦ.ИЗРАСХОДОВАЛ.ЛИМИТ.

Чу Мянью нахмурился.

Где-то в груди вдруг образовалась пустота, как будто кто-то выдернул из него что-то, что он и не знал, что там есть.

Он каждый день уставал. Учился. Готовился. Вкалывал. И всё равно находил время, чтобы ответить на эти глупые, бессмысленные сообщения... просто потому что они были. А оказывается... Ю Жаню нужно было просто израсходовать лимит.

— Вот оно что, — прошептал он, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Поэтому каждое сообщение было, как будто из другого мира, где смысл вообще не важен.

Он быстро пролистал всю переписку за последние дни и решительно и без колебаний удалил.

Перевернув телефон экраном вниз, будто пряча его от самого себя, он снова взял книгу.

Но спустя несколько минут, вибрация телефона оповестила его о том, что пришло новое сообщение от Ю Жана.

— Что завтра будешь есть на завтрак? Пойдёшь в столовку?

Чу Мянью тут же ответил: Нет.

— Приди, пожалуйста! Мне надо списать домашку.

Раздражение вспыхнуло, как искра. Особенно раздражало то, с какой уверенностью Ю Жань говорил, будто имеет естественное право списывать у него, будто это часть их невысказанного договора, как будто Чу Мянью - это не человек, а ходячее ГДЗ.

— Почему не сделал сегодня? — спросил он резко, пальцы сами напряглись на экране.

— Просто хочу списать у тебя, — пришло в ответ.

— Нет. Не дам, — Чу Мянью напечатал это и добавил: — Найди кого-нибудь другого.

— Ладно, — ответил Ю Жань. — Тогда не забудь завтра прийти на завтрак.

— Я сказал, что не пойду.

Отправил и положив книгу на колени, перевёл телефон на беззвучный режим.

Но в уголке глаза продолжал ловить вспышки экрана — кто-то снова писал. Он не смотрел.

Через двадцать минут, когда он уже закончил главу и собрался идти умываться, все же не удержался и проверил оповещения.

19 пропущенных вызовов.

На двадцатом он наконец снял трубку.

— О, блядь, ты наконец взял трубку! Думал, опять уснул, как мумия!

— Что? — коротко бросил Чу Мянью, лёжа на кровати, одной рукой прикрывая глаза.

— Так, слушай. У меня ещё больше ста минут голосового пакета осталось. Не хочу терять.

Чу Мянью замер.

Он не ожидал, что Ю Жанью скажет это так прямо. Без прикрас. Без попытки придумать оправдание.

— А почему бы тебе не позвонить кому-то другому? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, будто это его совершенно не задевает.

— А зачем? — рассмеялся Ю Жанью. — Я же не с ними хочу разговаривать по ночам, а с тобой.

Чу Мянью резко встал. Сердце ударило где-то в горле. Пальцы, сжимавшие телефон, стали тёплыми. Он не сказал ни слова. Просто быстро прошёл к кровати, лег, закрыл глаза одной рукой, будто пытаюсь спрятаться от собственных ощущений.

— Чу Мянью, я серьёзно... мне реально очень страшно, — голос Ю Жанью стал тише, переходя на шопот. — Я всё время смотрю на календарь. Декабрь приближается. А там ведь конец света, да? Я реально боюсь. Каждый день думаю: «О, блин, я ещё жив?»

Чу Мянью немного расслабился.

— А сегодня ты ещё думал о портфолио для поступления? — спросил он, приподнимая бровь.

— А, не... забыл про конец света, — вздохнул Ю Жанью. — Бля, мне всего пятнадцать. Я ещё не готов умирать.

Чу Мянью глубоко вдохнул.

— А когда тебе шестнадцать исполняется? — спросил он мягко.

— Даа... — Ю Жанью задумался. — Через год.

— Нет, — Чу Мянью чуть улыбнулся. — Я имею в виду... конкретную дату.

— А! — словно вспомнил. — Шестое августа! Цифры классные, да? 8-6. Как "богатство и удача" в гадании.

Чу Мянью замолчал.

Значит, день рождения уже прошёл.

Идея подарить ему набор для рисования рассыпалась в прах.

Ю Жанью снова перешёл к теме конца света, но теперь Чу Мянью уже летал в своих мыслях, иногда вставляя «угу» и «mmm».

— ...и если мы доживём до 2013 года, — говорил Ю Жанью, — это будет знак. Мы сможем вместе поехать в Пекин после выпуска.

Чу Мянью помедлил.

Потом тихо сказал: — Да.

На самом деле, он давно перестал верить, что они будут помнить свои сегодняшние мечты через три года. Он сам уже почти забыл, что чувствовал во время той военной подготовки, под палящим солнцем, когда они с Ю Жанью впервые разговаривали по-настоящему. Эмоции тогда были яркими, как фейерверк. Но жизнь идёт и всё стирается.

Раньше он был в этом уверен.

Но сейчас...

Сейчас он вдруг подумал: может, Ю Жанью — тот, кто поможет мне не забыть.

— Эй, я спать хочу, — сказал Ю Жанью. — И вообще, жутко хочется пить. — Зевнул. — Ну, пока.

Связь оборвалась.

Чу Мянью лежал в темноте.

Телефон лежал рядом, экран больше не мигал, но внутри что-то навязчиво продолжало вибрировать.

На следующее утро Чу Мянью вышел из класса вместе с председателем совета учеников, чтобы проследить за работой дежурных этой недели. В школе объявили «Неделю правил поведения» — значит, проверки были жёстче, порядок чище, а листья подметены так, будто от этого зависела судьба страны. Каждый класс по очереди отрабатывал уборку школьной территории, включая парк вокруг главного корпуса, где осень уже щедро разбросала свои золотисто-жёлтые трофеи.

Чу Мянью стоял у главных ворот, спиной к фонарному столбу, руки в карманах, взгляд — спокойный, но настороженный, как у человека, который знает: даже самый тихий день может внезапно взорваться. Перед ним копошилась группа одиннадцатиклассников — второгодников, которые, судя по всему, считали метлу инструментом пыток, а уборку — личным оскорблением со стороны системы. Один из них — парень с короткой стрижкой, чуть более подтянутый, чем остальные, как раз гонял листья по кругу, будто пытался создать мини-торнадо из мусора. Чу Мянью его узнал.

Цай Ханьчжан.

Тот самый, кто несколько недель назад пытался силой затащить Цуй Хэ в тёмный уголок после уроков, шепча что-то вроде «ты мне должна», пока она не закричала. Тогда всё закончилось быстро — Чу Мянью просто подошёл, сказал два слова, а потом приложил парня головой к стене три раза. Не сильно. Но точно.

С тех пор Цай Ханьчжан стал другим.

Он заметил Чу Мянью ещё вдалеке. Их глаза встретились всего на долю секунды. Ни приветствия. Ни вызова. Просто обмен взглядами, как между двумя хищниками, которые понимают, что если сойдутся снова, один из них точно проиграет.

Цай Ханьчжан тут же отвернулся, будто ничего не было.

Но внутри всё перевернулось.

Он до сих пор не мог забыть тот момент, как этот, казавшийся таким мягким, мальчик с лицом девочки сломал его одним движением. Унизил. На глазах у всех. Даже перед бывшей девушкой, которая тогда случайно проходила мимо и застыла, открыв рот.

И самое мерзкое, что голова до сих пор ныла. Он ходил в больницу. Сделал рентген. Всё в порядке, сказали врачи. Никаких травм. А боль? «Возможно, психологическая. Стрессовая реакция», — объяснили они с важным видом.

— Да пошли вы, — пробормотал он тогда, выходя из кабинета.

Он никогда не признается, что боится Чу Мян.

Никогда.

Он лишь повернулся к нему спиной, схватил метлу и начал яростно мести, будто каждый лист — это сам Чу Мян, которого нужно стереть в порошок. Листья летели, скапливались в жёлтый холм посреди асфальта.

И тут он не выдержал.

Он хотел оглянуться и проверить, ушёл ли этот ублюдок.

И в этот момент услышал громкий голос.

— Чу Мя-а-а-нь!

Ю Жань ещё даже не переступил порог школы, но его ноги уже были внутри, а имя Чу Мян он выкрикнул так, будто это был приказ, обращённый к вселенной.

Цай Ханьчжан поморщился.

— Блядь, — прошипел он сквозь зубы, закатывая глаза.

Он знал этих двоих.

Не потому что следил за ними, а потому что теперь у него был «младший брат» — Хуан Фэн, парень из другой школы, с которым они познакомились во время военной подготовки. Тот пришёл как-то спрашивать: «Кто здесь "Знаменосец" из Чэнцзюня?» — и когда узнал, что это Чу Мян, оказалось, что хочет просто познакомиться.

Они оба бали «крутые» из средней школы, оба любили сигареты, алкоголь и рассказывать, как они «разбирались» с людьми. Сразу нашли общий язык.

Однажды Хуан Фэн пригласил Цай Ханьчжуна в «клуб», где, по идее, несовершеннолетним вход был запрещён. Но Хуан Фэн просто улыбнулся охране и прошёл, как будто владел этим

местом. Говорят, у него был покровитель где-то сверху.

Они стали братьями по духу, кодексу и бутылкам.

И однажды, пьяные, сидя в туалете клуба, начали делиться историями о своих школах.

— У меня есть один придурок, — сказал Хуан Фэн, — Ю Жань. Полный дебил. Знаешь такого?

— Да, — хмыкнул Цай Ханьчжан. — Я его терпеть не могу.

— Представь, он там, в лагере, с кем-то трахался ночью в лесу, — продолжил Хуан Фэн, прищурившись. — Инструктор поймал их на рассвете.

— Что?! — Цай Ханьчжан чуть не выронил сигарету.

— Ну да. Своего парня.

— Парня?! — Он вскочил. — Какого ещё парня?! Это же мужик! Это... это... гадость какая-то!

Хуан Фэн только рассмеялся:— Ты что, не знал? Они там вообще неразлучны. Этот первогодка— его бойфренд.

Цай Ханьчжан почувствовал, как желудок свело.

— Блядь... — он содрогнулся. — Это же противно.

— А ты подумай по-другому, — Хуан Фэн наклонился ближе, понизив голос. — Раз он такой смелый, раз не боится, что его побьют... давай сделаем ему хуже. Атакуем психологически

— Как?

— Ну... например, найдём его парня. И разберёмся.

Цай Ханьчжан задумался.

— У меня тоже есть проблема, — сказал он. — В первом классе старшей школы есть один тип... по имени Чу Мян.

— Тот самый?

— Ага. Выглядит как девочка, а бьётся как псих.

— О, — Хуан Фэн кивнул. — Я его видел. Он всегда с Ю Жанем.

— Именно.

— Так это и есть его парень?

— Похоже на то.

Хуан Фэн усмехнулся:— Ну тогда мы можем устроить им маленькое шоу.

Они договорились, что в среду, во время внеурочные мероприятия в Чэнцзюне, они сделают свой ход. В такие дни как раз лиректор уходит рано, а охрана расслабляется. Это был их шанс отомстить.

И вот сегодня наступила среда.

— Блядь, — прошептал Цай Ханьчжан, глядя, как Ю Жань, смеясь, втискивает в руки Чу Мянью пакет с булочками из фиолетового сладкого картофеля. — Эти двое... эти мерзкие пидоры...

Листья, которые он только что аккуратно собрал, уже снова разлетелись по двору, но ему было плевать. Он схватил метлу и начал яростно мести ею асфальт, будто пытался стереть с него не грязь, а саму картину перед глазами.

Потому что сейчас, прямо за его спиной, происходило нечто невыносимое.

— Чтобы купить тебе эти булочки, я вообще отказался от времени списывания домашки! — заявил Ю Жань, гордо задрал подбородок. — Разве ты не должен пасть ниц и сказать: «Благодарю, о великий спаситель»?

— У нас через десять минут самостоятельная по физике, — ответил Чу Мянью, не глядя, раскрывая пакет. — Перестань валять дурака. Быстро съешь и иди пиши.

— Нет, — Ю Жань ухмыльнулся. — На самостоятельной сразу проверят. Давай поменяемся местами утром. Ты сядешь ко мне, а я буду есть за твоей спиной. Ты будешь моим живым щитом.

Чу Мянью только вздохнул, а Цай Ханьчжан — замер.

Он медленно обернулся и увидел, что Ю Жань, сияющий, как будто выиграл в лотерею,

тянется рукой и прикладывает пакет с булочками прямо к лицу Чу Мяня, будто это какой-то ритуал.

— Держи, любимый, — говорит он. — Съешь. Для красоты.

Цай Ханьчжан не выдержал. От увидено его стошнило прямо на асфальт. Как же это противно!

— Бляяаядь... — прохрипел он, выпрямляясь, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Эти... эти... мерзкие ублюдки...

Он стоял, дрожа, с метлой в руке, как последний охранник порядка в мире, который уже давно прогнил. А за его спиной, два парня смеялись, ели булочки и шли в школу, будто весь мир был для них просто фоном.

<http://bllate.org/book/15486/1373228>